

Офицеры материли Солженицына. В вагоне навряд ли кто знал это имя, вдруг объявившееся в «Новом мире», тем более в этом ночном вагоне, бегущем по толчке что уложенной колее от Ивделя к Оби. Сидящие, поди, думали: «Экзавэзэшики ползут своего сослуживца». Поезд шел в зоне лагерей по рельсам начала шестидесятых, и ехали в нем те, кто правил местными эсками, и вот в их мозгу не укладывалось, что кто-то, а не они, стал повелевать поступками подневольных людей.

Может, это сильно — поступками, но началось брожение умов, и человек, брошенный на колени, неожиданно начал подниматься в рост. И меньше стало заискивающих взглядов, к которым так привыкли, ощущая свою силу, эти офицеры в русской форме.

— Чего он там такого написал? Как бы почитать — ведь не достанешь...

— Один день эка-психа — не то Ивана Даниловича, не то Ивана Денисовича...

— Переплет стальной сделали, суки, чтобы, значит, не затрепалась книжица, и передают ее под большой залог, из отряда в отряд. Читают взахлеб, сволочи.

— И я ее тоже взахлеб, ночь напролет... Но это что же выходит — все, на чем стоим, в распыл, на обозрение, точно в цирке, мать его...

— Не у нас ли он сидел... Эх, знать бы заранее...

Вагон подбрасывало на плохо подогнанных стыках. Коптилась свеча в фонаре под потолком, кто-то блевал, кто-то с жуткого похмелья стучал по бачку прикованной к нему цепью кружкой, проверяя наличие влаги, кто-то выли: «Шпанку отдайте...»

Вагон был «элитный», куда не всех... Здесь хоть не дрались и не грозили «пером», здесь сидел у входа, охраняя нас, солдат. И было ясно, что в этом вагоне места для Александра Исаевича не существовало. Он болтался где-то на подножке, и в этой черной ночи со свечным огарком кто-то с силой разжимал его пальцы, вцепившиеся в поручни вагона, вовсю стараясь, чтобы он полетел под откос, в болото приобской тайги. Снова?

Он был для нас просто человеком из России. А кто он, откуда, в какой среде рос — ничего не знали да особенно и не задумывались тогда над этим, на одном дыхании читая «Один день Ивана Денисовича» и «Матренин двор». Была жизнь, нам не ведомая, страшная, и была жизнь, текшая вроде как за перегородкой, до нас доносившая ее голося, но мы словно ничего не слышали. И многие прятали вещи Солженицына, боясь скорой расправы за вольнодумие, — к раскрепощению умов призывали писательские строки, и не какие-то там подпольные, а это скорее всего и воспринималось настоящим. Не к добру. В нашей прожаренной системе появились совсем другого голоса механизмы, который выпадал из общего кукарканья, а кто это позволит кричать, когда еще все спят.

Мы не собираемся разбирать произведения Солженицына. Его работы оцениваются по-разному — да это и хорошо, но при этом не надо отворачиваться друг от друга. И уж нечего алмазы подменять булыжниками. Налицо огромный талант, русский, именно русский, чисто русский, и тут бы сказать: «Слава богу, дождался», а не улюлюкать...

Так из какой стороны он земли нашей? Земляком считают

его в Кисловодске, однако подавляющее большинство говорило:

— Наш он, родился неподалеку отсюда, в селе Сабле.

— Он появился на свет в нашем городе.

Таисия Солженицына, мать писателя, приехала из Сабли лауреат Нобелевской премии объявился в этом мире на улице Пушкина, в доме своего дикого и свирепого деда — Захара Щербака, местного дачевладельца. К сожалению, дом, в котором родился Александр Солженицын, не сохранился — его снесли где-то в семидесятых годах. Так что памятную доску крепить некуда — хлопот, выходит, никаких,

нет голову — да-да, там, чуть повыше перрона, его родная улица. И он устремится к ней. Пойдемте и мы за ним, видя впереди его спину. Ага, так оно и есть... Если раньше говорили: «Смотрите-ка, Федор Иванович Шалапин шествуют», то теперь услышим: «Здравствуйте, Александр Исаевич, с возвращением вас». Не скудеет талантами земля русская, только вот цветы на могилы везем в Париж или еще куда...

Еще не зная, где родился Солженицын, мы думали: «Кого-то из великих этот город обязано дал». Кривые, как повела горная местность, улицы, уютные и узкие, когда можно

«Крестный ход», «Старое ведомство»...

— Из многого известного теперь.

— Но тогда, в шестидесятые... Кремер, Кремер... Не о ней ли как подруге своей матери, выведенной под именем Ксении, упоминает Солженицын в «Августе Четырнадцатого»: «Когда Ксения приезжала на каникулы домой, ее приводила в ужас атмосфера невоспитанности в семье. Однажды она привезла с собой Соню (свою подругу-еврейку), ее глазами еще острее ощутила всю эту неотесанность и чуть не сгорела от стыда». Старый Щербак во время семейных споров хватался за нож, избивал жену.

Наверное, огромную радость доставляли маленькому Саше хождения в церковь, где забывалась обстановка дома, где можно было предаться детским мыслям и поговорить с господом о поведении деда. Какие высокие своды висели над этой голов-

услышанных от нее рассказов вошла в книгу «Август Четырнадцатого».

А теперь мы прибежим к гамбургскому журналу «Штерн» самого начала семидесятых: «Все персонажи книги Солженицына, названные подлинными именами, мертвы, за одним исключением. Ее зовут Ирина, и автор представляет ее в самом начале повествования как очаровательную, молодую и очень богатую женщину, муж которой, Роман, одетый по английской моде помещика. Кто такая Ирина? Репортер журнала Дитер Штейнер установил, что зовут эту женщину Ирина Ивановна Щербак, она приходится Солженицыну теткой, невесткой его матери».

А что же с матерью? Она умерла в 1944 году в Георгиевске от туберкулеза. Мы долго искали ее могилу на старом, подготовленном под бульдозер кладбище. Собственно это — свалка, а не погост, умиротворяющий душу. Орать хочется: «Да разве мож-

учал, прежде всего сыновей — Исай, Василия, Константина, Илью. А дочь Мария была помощницей матери. В семье не знали распри. Односельчане любили Семена Ефимовича — и совет добрый даст, и на помощь никогда не покусится».

Грянул 1914 год. Из семьи Солженицыных на мировую ушел старший из сыновей — Исай. Ждали его долго. И вернулся офицер в дом с женой. Где-то на фронтовой дороге встретил землячку — из Кисловодска, и у них все сладилось. Жить переехали в курортный город, правда, у отца Исай Семенович бывал регулярно. Любил походить с двухстволкой по степным просторам. На охоте и приключилась с ним беда: смертельно ранил сам себя...

Сын Александр родился в Кисловодске лишь через полгода после этого трагического случая. А вскоре на плечи Семена Ефимовича обрушилось новое несчастье: умер сын Василий, оставив после себя дочку Ксению. Вот

еще бережет табель-наряд многолетней давности, где сказано, что К. Солженицына заработала 634 трудовая. Пенсия же все время измерялась полусотней. Лишь недавно ее повысили до семидесяти одного рубля.

— Но я жизнью довольна, — решительно отвергает любое сочувствие Ксения Васильевна, сохранившая до сих пор твердость духа и крепость воли. — У меня ладный дом. Есть огород, несколько фруктовых деревьев. Кормлю себя сама.

В Саблинском живет и один из ее сыновей — Николай Тимофеевич Загорин. Заведует четвертым производственным участком колхоза имени Кирова. Второй сын — Владимир Тимофеевич — живет в Минеральных Водах, электрик. Недавно вышел из рядов КПСС, членом которой был двадцать лет.

— Буду беспартийным. И этого звания не посрамлю, — так объяснил матери.

Она восприняла неожиданную

РСФСР, к ней в дом частенько наведывались «искусствоведы в штатском», косились на иконы, выпрашивали: не имеет ли каких-нибудь вестей от «родственничка». Ничего полезного она им сказать не могла, но такого рода визиты рождали чувство внутреннего протеста. Только как его выразить? И старая крестьянка-колхозница отказалась от мужниной фамилии. Вернула себе девичью — Солженицына. Да при выписке паспорта ее написали с ошибкой: Солжаницына. Буковки попутали: вместо «е» поставили «а». Сына Владимира «законспирировали» еще основательнее. У него в документах записано — Салжаницын. Вот так они подержали родственника-изгоя. А ведь кто-то из родни фамилии испугался. Некоторые даже сменили ее. «Наверное, теперь жалеть», — предпологает Ксения Васильевна. И до сих пор со слезами на глазах вспоминает долгожданное письмо брата: «Помли тебе Господь здоровья и долгой жизни. Надеюсь еще повидеть тебя, когда приеду. Но пока еще мне пути нету. Мы оба с женой тебя обнимаем. Привет твоим сыновьям и снохам».

Последнее письмо пришло в мае нынешнего года. От жены писателя: «Дорогая Ксения Васильевна! Получили Ваше письмо от 1 апреля. Большое спасибо за поздравление с Пасхой. К тому времени, что это письмо до вас доберется — уж наверно настанет Троица, — поздравляем и мы вас. Саня в хорошем здоровье, работает очень много. Он должен закончить свою большую книгу, это еще потребует времени. Но пока что и дорогу на родину не спешат открывать. В конце концов такое придет, мы не сомневаемся. Сыновья наши уже выросли, Ермолай и Игнат, кончили школу, учатся дальше. Степан (младший) кончит школу следующей весной. Мы ими, слава богу, пока что довольны. Еще с нами все годы живет моя мама, без нее бы мне совсем туго пришлось: я ведь помогаю Саше в его работе и тоже целыми днями работаю... Собрали и отправили вам посылку».

Благодаря этим письмам она почувствовала живое, родное сердечко, страдающее, отыскивающее, живущее большой надеждой — вернуться на родину. А то ведь знала о нем не больше остальных. Он окончил в Ростове-на-Дону среднюю школу, в 1941 году — физико-математический факультет университета. Специального литературного образования не имеет. Перед самой войной заочно учился в Московском институте философии, литературы и истории. В сорок первом призван рядовым, а год спустя после окончания артиллерийского училища назначен командиром батареи. На фронте до февраля 1945 года. Награжден двумя орденами. В звании капитана был арестован (в его письмах была прослежена критика Сталина). Приговорен к восьми годам заключения. В 1957 году реабилитирован.

Александр Исаевич, возвращаясь, в Сабле сохранился дом вашего деда. Он ждет вас. Вот приедете, толкните дверь и скажете: «Как долго длился этот день».

В. ПАНКРАТОВ.

В. ЧЕРТКОВ.

(Спец. корр. «Правды»). Ставропольский край.

Один день Александра Исаевича

Об отчете дома с некоторыми отступлениями

а то ведь как ни поведет «плечом», все получше устраиваясь, санаторий имени Семашко бывшего (?) Четвертого главного управления Минздрава Украины, так обязательно какую-нибудь здешнюю достопримечательность и заденет — тут и дача Шалапина (сохранить удалось), тут и школа уже не школа, где учился драматург В. Киришин, преподавал академик В. Сельский... Забываем, постоянно забываем, что духовное разорение ведет к разорению материальному.

Вот уж и улицу, бывшую Пушкина, в Богдана Хмельницкого окрестили, право, совсем напрасно поспешили, прежние названия отражали сам ее дух. Стены старших домов дышат лирикой — где еще прочтешь такое: «Дача Светлана». (Гетманской булавой по всему этому!) Только Солженицына тут и не хватало — лучше уж пустырь, хотя он и порядком надоел, да и разговоры эти суровые: «Им бы лишь разрушить...» Замечание спорное — умеем и к небу поднимать. И то, куда ни кинь взгляд в Кисловодске, по всем холмам всеисильные ведомства расселись, городят себе здравницы, кои пером не описать.

Нет уже Пантелеимоновской церкви. Об ее оригинальной архитектуре рассказывал нам про тоиер Сергей Лиманский, который служил в ней четыре года. Стояла она в Ребовой балке неподалеку от дома Захара Щербака. Теперь рядом с этим местом высится один из корпусов санатория Министерства обороны. А ведь храм-то возводил на народные пожертвования. Внес крупный вклад на его строительство и Ф. И. Шалапин, а потом пел в нем в церковном хоре, бывая в Кисловодске.

Он приедет сюда, обязательно приедет, Александр Исаевич. Сойдет с поезда и невольно вски-

держат беседу, идя по разным сторонам. Город удивительного, божественного воздуха и доброго, яркого, почти не пропадающего солнца. Прежде это был третий город, венчавший отдых высшего общества на Кавказских Минеральных Водах. Город, где стрелялись на дуэли, ибо здесь, в Кисловодске, после промывания внутренностей чудо-водами в Железноводске и Ессентуках, умы занимали любовь и всякие другие вольности, подступавшие к посылке вешнему после лечения организму. И город, очень и очень тихий, город-дворик с полотом русских художников. Здесь мы и обнаружили Солженицына. В молве. Она-то и вывела нас на местного искусствоведа В. М. Розенфельда. Он рассказал нам об исчезнувшем архиве Марии Васильевны Кремер, крестной матери Александра Исаевича. Она умерла недавно в Пятигорске. Неужели опальное имя крестника заставило ее все уничтожить перед смертью (рассказы, письма, фотографии Солженицына)? А может, она наказала кому-то все хранить до поры до времени?

— Я познакомился с Кремер случайно в конце шестидесятых годов и стал бывать у нее, — поведал Борис Матвеевич. — Она-то и показала мне дом, где родился писатель, познакомила меня с некоторыми его произведениями, за что на нее озлился Солженицын. Тем не менее он очень вежливо ответил на мое письмо, в котором я просил уточнить место его рождения («Уважаемый Борис Матвеевич, я действительно рожден в Кисловодске и невольно люблю его за это»). И далее — о желании по-бывать на родине. Но так пока и не добрался до нее.

— А что-нибудь из имевшегося у Кремер вы переписали?

— Стихи, сочиненные в заключении; рассказы «На родине Есенина», «Захар-Калита».

кой? Может, там, под венчающим их крестом, найдем возможность ближе познакомиться с его детством и тайно переговорить с ним.

Мы вошли во дворик голубой, очень домашней — так и хочется привалиться к ней плечом — Крестовоздвиженской церкви. Шла служба. И протиснувшись туда, внутри, поближе к теплу голосов хора не представлялось возможным — народу уже было плотно и на ступенях взгорке входа в храм. В недавнем возрожденный храм. И представилась эта картина, резкими штрихами нарисованная Солженицыным. Застывший перст на старушечьем лбу, чье-то испуганное: «Боже...» Недоговоренная молитва... И будто нас кто-то в спину пнул, мол, посторо-нись, ишь, сопли развесили... Религия — опиум для народа. Под корень ее, под самый... Завтра и колокола наезмы. «Первое впечатление всей моей жизни», — пишет Солженицын, — мне было, наверно, года три-четыре: как в кисловодскую церковь входят остроголовые (чекисты в буденовках), прорезают обомлевшую онемевшую толпу молящихся и прямо в шипаках, прерывая богослужение, — в алтарь».

Конечно, нам многое могла бы рассказать Ирина Щербак. Но мы не успели к ней. Хотя умершую, которая держала десятка три кошек, еще хорошо помнят соседи. Они и подкармливали старуху, когда-то унаследовавшую миллионное состояние. До восьмидесятых годов она жила в Георгиевске, на Ставропольщине, по улице Бойко, 109. Ее ма-занка под битой черепичной крышей, похожая на большую собачью будку, еще стоит в окружении тоже частных, добротных кирпичных домов. Именно сюда после отбытия ссылки наведываясь писатель, именно здесь он часами расспрашивал Ирину Щербак об истории их семьи, и часть

но так осквернять прах предков ваших! Люди, опомнитесь!» На могилах в карты играют, а мы потом о какой-то нравственности... Проиграли ее вот на таких делах, в пух проиграли.

Заглянули в местную церковь, может, по книгам их могилку Таисии Захаровны сыщем. Не получилось. Узнали, что и Щербак не помогла бы нам. Ее соседка с начала тридцатых годов — В. П. Кондакова как-то предложила: «Давайте навестим Таисию». А Ирина Ивановна в ответ клятвенно: «Вот те крест, не помню места!»

Искали могилу и по просьбе писателя, но... Он любил свою мать, ощущая в ней большого друга, которому можно все поверить. Мы видели открыточку, написанную им 11 августа 1935 года: «Дорогая мамочка! От Кисловодска я в восторге. Могу гордиться своей родиной. Приехал вчера вечером, уеду послезавтра утром, 13-го. В тот же день побуду в Пятигорске и Железноводске. 15-го или 16-го получу письмо с подробным описанием всех похождений и впечатлений. Целую. Саня».

В тот же день мы поехали в Саблинское, что в Александровском районе. Правда, село чаще зовут более выразительно — Сабла. Именуется оно иногда и Солженицыном, нет, не в честь писателя. Александр Исаевич здесь ни при чем. Люди помнят его деда — Семена Ефимовича Солженицына. До революции это был самостоятельный хозяин. Имел около двух тысяч десятин земли, держал овец, число которых доходило иногда до двадцати тысяч. Понятно, в таком хозяйстве требовались помощники. Нанимал батраков. И тридцать, и сорок, и пятьдесят. Число их менялось в зависимости от особенностей каждого года. Но как бы там ни было, себя Семен Ефимович от физического труда не освобождал. И домохозяев к тому при-

таким нерадостным получился для Солженицыных 1918 год. Таисия Захаровна не часто, но появлялась в Сабле. И первым делом заглядывала к матери Ксении. Объединяла их печаль по потерянным мужьям и радость — малые дети.

— Я смутно, однако же помню Таисию Захаровну, — говорит Ксения Васильевна. — Красивая была женщина. Первой любви осталась верна на всю жизнь. А каков Саша, не знаю. Встречаться с ним не довелось.

Ей 72 года. Живет в Сабле безвыездно. Родное оно по всем статьям. Многое пришлось пережить этой женщине. Рассказ был грустным:

— Исполнилось всего полгода, когда осталась без отца. А когда минуло пять лет, умерла мать. Крайне меня — еще два брата. Спасибо дяде Константину: не оставил нас, хотя у самого было пять сыновей да дочь. Стали жить все вместе. Обходились своим трудом. А тут подоспел двадцатидевятилетний год. Началось раскулачивание. Дядя Константин и угодил под него — выслали со всей семьей на Урал. Я, девчонка, с двумя братьями осталась в пустом доме хозяйкой. Зарабатывала на пропитание тем, что нянчила детей в других крестьянских домах. Иногда пасла теллят...

Когда Ксении исполнилось одиннадцать лет, ее приняли в колхоз. Словом, дали работу. А братья с голодухи померли. Думала, что и самой скоро конец. Не в поле же жить — дом отобрали. Но тут восемнадцатилетней девушке сделал предложение Тимофей Загорин Стали вить собственное гнездо. Да не успели — началась Великая Отечественная. Муж с фронта не вернулся. Ксения Васильевна всю себя отдавала колхозу. Хранит удостоверение победителя социалистического соревнования. У нее три таких книжечки. Да

